

ОТЗЫВ

официального оппонента о диссертации *Агеевой Натальи Николаевны*
«Научно-педагогическая и общественно-политическая деятельность
С.Ф. Фортунатова в конце XIX-начале XX вв.», представленной на соискание ученой
степени кандидата исторических наук
по специальности 07.00.02 – Отечественная история

Предложенная к защите диссертация соискателя посвящена оригинальной личности историка, деятельность и творчество которого длительное время находились вне специального внимания современных исследователей-историков. По сути, Н.Н. Агеева взяла на себя труд извлечь из забвения корпоративной памяти и вернуть в пространство культуры незаурядную фигуру С.Ф. Фортунатова, представляющего определенный тип российского ученого-историка, педагога, общественного деятеля, интеллектуала.

Диссертационное исследование выполнено в историко-биографическом жанре и ориентировано на конструирование максимально полной картины творческой/интеллектуальной жизни объекта исследования. Соискателя не остановил выявленный ею факт определенной фрагментарности источников на заданную тему. Утрата после смерти С.Ф. Фортунатова (1918 г.) его личных документов, которые могли бы составить архивный фонд ученого, существенно усложнили реализацию реконструктивных и интерпретационных задач научного замысла Н.Н. Агеевой. Понятный в этой ситуации минимизированный интерес представителей современной историографии к изучению деятельности С.Ф. Фортунатова, что продемонстрировала соискатель в историографической части диссертации, не только не стал для неё дополнительным препятствием, но, наоборот, явился определенным стимулом для разработки явно забытого сюжета из истории национальной науки и интеллектуальной культуры.

Для соискателя актуализация проблематики диссертации некоторым образом усложнялась и в виду того, что объект исследования а priori не мог претендовать на статус видного или выдающегося деятеля. Но Н.Н. Агеева, как я её понимаю, исходила из убеждения, что в сообществах людей значение деятельности каждой личности оставляет свой неповторимый след в истории, содействуя созданию общечеловеческих культурных ценностей. Именно поэтому она воспользовалась идеями, развиваемыми отечественными историками, нацеленными на конструирование идентичностей «второго плана». Погружение в перипетии персональной истории С.Ф. Фортунатова убедило автора в ярко выраженной специфичности его индивидуальности. Это стало основой ориентации на еще один методологический инструмент – «казуальный подход», сложившийся в российской науке в начале постсоветской эпохи благодаря инновационным научным инициативам Ю.Л. Бессмертного в изучении проблем истории частной жизни и повседневности.

Не вызывает сомнения актуальность всех составляющих элементов диссертации – темы, проблематики, методологии и избранного биографического жанра диссертационного исследования. В современной историографии путем долговременных исканий в течение всего XX и начала XXI вв. этот жанр упрочил свои позиции, получил различные модификации и приобрел статус полноправного научного инструмента познания истории человека и человечества. Еще Л.П. Карсавин (1923), развивая свою философию всеединства, рассматривал биографию как особый вид исторических исследований, призванный раскрыть «историю индивидуальной души». Он же подчеркивал: «Личность индивидуализирует тенденции эпохи, национальности, культуры: она для них “показательна”, символична, характерна». В современной историко-культурологической традиции утверждается, что «история одной жизни приобретает значение структурного измерения всей общественной системы путем “восхождения” к индивиду» (С.Н. Иконникова, 2011).

Н.Н. Агеева явно ориентировалась в изучении жизненного пути своего героя на проверенные научной практикой методологические принципы историко-биографических исследований, среди которых привлекательным является сформулированный в 1980-е гг. итальянским историком Джованни Леви контекстуальный подход, на базе которого он предложил тип «контекстуальной биографии» (в рамках своей общей классификации типов биографических исследований). Несколько корректируя исходные идеи Леви, свое видение смысла исторической биографии представил в 1996 г. французский историк Жак Ле Гофф в труде о Людовике IX (Святом), ставшим образцом «новой биографической истории». Он риторически вопрошал, уточняя значение биографического жанра: «Но какой еще объект больше и лучше, чем человек, кристаллизует вокруг себя и все свое окружение, и все темы на которые историк разделяет область исторического знания?» Ле Гофф ориентирован на конструирование всех жизненных перипетий объекта изучения, в том числе имея в виду – случайности, сомнения, поиски выбора, сопровождавшие человека в процессе его персональной истории.

В рецензируемой диссертации, автор, хотя и не ставила задач раскрыть аспекты истории развития биографического жанра, все же вполне обозначен современный подход, свойственный направлению «персональная история». Ею представлена панорамная картина жизненного пути С.Ф. Фортунатова. Его фигура предстает в системе нескольких культурных контекстов: историко-семейном, образовательном, историко-научном, общественно-политическом, культурно-коммуникативном. Одновременно её внимание сосредоточено на различных поворотах судьбы героя, которые, вольно или невольно он программировал посредством того или иного экзистенциального выбора, совершаемого им в условиях субъективного восприятия ряда жизненных ситуаций как трудно преодолимых коллизий.

Без сомнения, рецензируемая диссертационная работа имеет немало достоинств, которые выражают как позитивные результаты диссертационного проекта, так и дают основания высоко оценивать профессиональный уровень автора. Прежде всего, хотелось бы подчеркнуть скрупулёзно выполненную эвристическую часть исследования, связанную с конструированием источниковой базы диссертации. Автор в своем поиске предусмотрела, практически весь возможный комплекс источников для создания первой научной биографии своего героя. Структура созданной источниковой базы подчинена вехам жизни, интересам, всем видам деятельности С.Ф. Фортунатова, а также коммуникативному полю, которое сложилось вокруг его фигуры. В известной ситуации отсутствия личного фонда ученого и с учетом некоторых черт его характера, в частности – нелюбви к созданию рукописных текстов (в том числе писем), породивших в совокупности множество лакун в информационных ресурсах о его жизни, трудно переоценить впечатляющую картину корпуса источников, положенных в основу диссертации. Материалы пяти архивов с десятками фондов документов, публикации нормативных актов в сфере правового регулирования деятельности образовательных учреждений и многочисленной делопроизводственной документации тех учебных заведений, где учился и работал С.Ф. Фортунатов, труды ученого и представителей семьи, из которой он вышел, периодическая печать, произведения его современников (в том числе источники личного происхождения), справочная дореволюционная литература – все это позволило из мелких и мельчайших фактов источников создать то, чего в исторической науке еще не было – историю его жизни.

Благодаря подвижническим усилиям Н.Н. Агеевой появилось новое историко-биографическое исследование о человеке, который «выпал» из контекста истории. Автор диссертации во всеоружии своих документальных аргументов сделала удачную попытку восстановить историческую справедливость и «вернуть» его в лоно истории и историографии. Заметим при этом, что еще не было опыта создания *монографического исследования* (каковой, по сути, является рецензируемая диссертация), целенаправленно посвященного «рядовому» представителю мира науки, образования и культуры.

В этой работе много того, что сделано впервые. Впервые дана целостная история уникальной семьи Фортунатовых, что позволило понять корни происхождения личности Степана Федоровича Фортунатова. Впервые предложен опыт конструирования персональной истории человека на основе минимизированного ресурса информации о нем. Данная диссертация – пример не частого случая, когда для всех сюжетных линий исследования последовательно создается основательный историко-культурный контекст в целях конструирования образа объекта изучения. Благодаря такому подходу, Н.Н. Агеевой удалось сформировать плотный информационно-ресурсный фон персональной истории Фортунатова, а из мельчайших свидетельств создать его образ.

В частности, исследуя его педагогическую деятельность в Московском университете, автор, опираясь на публикуемые отчеты в виде «Обзрений преподавания», вводит в научный оборот обширный комплекс источниковой информации. Он позволяет раскрыть основы организационной системы учебных занятий – программы учебных курсов на историко-филологическом факультете, распределение в среде преподавательского коллектива читаемых студентам-историкам дисциплин по всеобщей истории, нормативную основу почасовой нагрузки преподавателей, традиции организации учебных занятий во второй половине XIX века. Создавая контекст коммуникативной картины профессорской корпоративной среды, автор обнаруживает основы конкурентных отношений, которые складываются в учебно-преподавательской практике, и определяет статус и место Фортунатова в этой системе (с.102-107). Подобный подход автор реализует и при изучении деятельности Фортунатова на Высших женских курсах и в университете им. А.Л. Шанявского. В результате Фортунатов предстает в окружении и оценках своих современников как талантливый, оригинально мыслящий преподаватель-интеллектуал, пользовавшийся широкой популярностью и любовью своих слушателей.

Анализ сформировавшихся научных приоритетов Фортунатова, определявших и характер его учебно-педагогической деятельности, позволили соискателю привести убедительные аргументы относительно его места в истории формирования интереса профессиональной среды ученых к истории США. Он в диссертации представлен как «один из основоположников российской американистики». Соответствующий параграф, посвященный этому аспекту, несомненно, является принципиальным и чрезвычайно важным по своей новизне сюжетом в диссертации (121-142). Автор раскрывает истоки его историко-страноведческих интересов, выявляет круг зарубежных ученых, повлиявших на его научный выбор, детально анализирует его труды по истории США. Личностный интерес Фортунатова к американской истории, показывает автор, в значительной мере опирался на его приверженность ценностям либерализма как политического учения и факта политической жизни не только Запада, но и России. Эта часть работы Н.Н. Агеевой составляет несомненный ее вклад в современную историю российской науки и отечественную американистику.

Рассматривая политические взгляды ученого, соискатель сравнивает их с воззрениями целого ряда современников и этим самым создает общий фон общественно-политических настроений в корпоративной среде российской профессуры, представленной яркой палитрой политических мнений современников. Это позволило не только определенно идентифицировать партийно-политическую позицию Фортунатова как либеральную и кадетскую, но и раскрыть общую картину «расстановки сил» представителей «научной интеллигенции», в контексте которой его политическое кредо и позиция выглядят у автора предельно аргументированными (с. 170-174).

С интересом воспринимаются сюжетные линии раздела диссертации, посвященные публицистической деятельности Фортунатова (с. 184-197). Здесь Н.Н. Агеева, раскрывая у своего героя талант публициста, обращается к истории развития такого историко-научного направления тогдашней журналистики, которое повлекло появление первых опытов, ориентированных на создание профессиональных научных журналов ученых-гуманитариев. «Критическое обозрение», «Юридический вестник», «Научное слово»,

«Русская мысль», а также газета «Русские ведомости» – вот представленный перечень наиболее «передовых» изданий последней трети XIX-начала XX вв., в контексте характеристики которых предстает активная деятельность Фортунатова на публицистическом поприще. Особое внимание соискателя сосредоточено на анализе «Русских ведомостей» – излюбленном периодическом органе Фортунатова. На страницах этого издания он, оставшись за пределами Московского университета, в многочисленных статьях и рецензиях наиболее полно реализовывал свой интеллектуальный потенциал, выражая свои взгляды на общественно-политическую картину мира и России. Редакция этой газеты, констатирует соискатель, стала для него и своего рода читальным залом, где он знакомился с английскими газетами, материалы которых использовал в своей публицистике.

В завершении аналитических процедур изучения личности Фортунатова, автор предлагает увидеть его в «коммуникативном пространстве московской интеллигенции» (с. 198-219). Задавая различные ракурсы месту в нём объекта исследования, соискатель вычленяет различные сегменты этого пространства: университетское, схолярное, научное, учебно-педагогическое, общественно-политическое, межличностное, бытовое. Концентрация в этом разделе фактов, позволяющих увидеть Фортунатова в системе его активного «живого» общения с современниками, позволила автору наложить последние «штрихи» и сделать завершающие аккорды для создания целостного и полнокровного портрета Степана Федоровича Фортунатова.

Высоко оценивая рецензируемую диссертацию в целом, **выскажу замечания относительно двух тематических её аспектов, которые вызывают определенную критику рецензента к их содержанию.**

1. Прежде всего, обозначу **претензии к области методологической рефлексии** соискателя.

Обосновывая принципы своего методологического подхода, диссертант, на мой взгляд, ограничивает его двумя, несомненно, важными, но не единственными методологическими инструментами в виде конструктов «человек второго плана» и «казуальный подход». Представляется, что авторский взгляд на методологию исторической биографии мог быть шире и глубже. Поскольку самим автором ее работа позиционируется в жанре «биографистики» (с.3), следовало более основательно погрузиться в **межнациональный опыт** разработки и переоценки этого «старого» жанра, результатом чего в конце XX в. появились направления в науке, выраженные обновленными смысловыми понятиями – «новая биографическая история», «персональная история» с сопровождающим их методологическим инструментарием.

Обращение соискателя к выше обозначенным конструктам требовало более основательного погружения в контекст развития биографического жанра. Не менее важной видится необходимость сосредоточения автора на таких процедурах биографического жанра, которые нацелены на изучение единичного (особенного) и общего (универсального) в этой области истории человека. Полагаю, что в данном случае речь должна идти о двух уровнях характеристики объекта изучения. С одной стороны – о социокультурной и социопсихологической уникальности изучаемого индивидуума. С другой стороны (в стремлении избежать абсолютизации идеографического подхода) – об узнаваемости черт его личности в рамках социокультурных типов, сложившихся в пространстве формирования так называемого «русского характера», то есть – национальной (в том числе и профессионально-корпоративной) идентичности и самосознания. Тогда бы более ясно и целостно (с учетом особенностей и задач историко-биографического исследования) в диссертации предстали как методологические подходы, так и создаваемый портрет изучаемой личности.

Не подтвержденной осталась авторская заявка об опоре на «биографический метод» (с. 27), поскольку диссертант не раскрывает его смысл и технологии его применения. Здесь же можно заметить, что в историографических пассажах автор, ориентируясь,

преимущественно, на публикации обобщающего характера по поводу избранных ею подходов (например, сноски: с. 24-26), не попыталась подвергнуть анализу *конкретный* исследовательский опыт по изучению уникальных («казусных») личностей или фигур «второго плана».

2. Сделаю несколько замечаний и относительно особенностей созданного историко-культурного образа С.Ф. Фортунатова.

Мне представляется, что итоги аналитических и синтетических исследовательских усилий автора, обращенных к личности С.Ф. Фортунатова, отразили несколько *пониженный уровень критико-аналитического подхода автора к своему герою* и некоторую слабость опоры на диалектическое видение противоречивых свойств сознания и психо-эмоциональных качеств его личности. Это привело, на мой взгляд, к односторонности и недосказанности отдельных его характеристик, не всегда ясно выраженному оценочному отношению автора к определённым событиям в биографической истории Фортунатова. Данные моменты затрудняют восприятие его образа во всей его целостности и противоречивости.

Продемонстрирую это замечание пассажем его биографии из диссертации. Бифуркационным по характеру и значимости событием в истории жизни и судьбы Фортунатова, определившим профессиональную (и в целом – жизненную) стезю ученого, явно можно считать факт его неудачи в разработке и создании полноценного диссертационного исследования. Разбираясь в ограниченных и не совпадающих свидетельствах о его магистерской зарубежной командировке, призванной заложить основы будущего диссертационного сочинения и, соответственно, его карьеры, автор приходит к выводу, что, хотя Фортунатов после длительных раздумий выехал за границу, но эта поездка вместо двух запланированных лет, продлилась не более трёх месяцев (с. 73-76). В дальнейшем, исходя из содержания диссертации, он довольно быстро примиряется со своей участью неудачника на научном поприще и не предпринимает особых усилий для изменения данной ситуации.

Мне представляется, что этот биографический факт, являющийся, по всей видимости, выражением традиционалистских, по природе, жизненных установок Фортунатова и проявлением определенного его иррационализма, должен был вызвать более пристальное к нему *аналитическое* внимание автора с акцентуацией проблем личностной психологии. Более глубокое её изучение, нацеленное на установление неких черт индивидуальной психологии Фортунатова, его мотивационных посылов к разным видам творческой деятельности и принятию решений, могло бы стать основой выявления всей совокупности психо-эмоциональных и ментальных черт его личности. Очевидно, он являлся носителем определенных психологических комплексов, не позволивших талантливому гимназисту и студенту в ходе взросления реализовать в полном объёме свои явные творческие способности и сделать свою профессиональную карьеру и частную жизнь более успешной и благополучной. Даже при недостатке источниковой информации, черты его неординарной натуры вполне просматриваются из отрывочных свидетельств современников и фактов созданной Н.Н. Агеевой его биографии. Это хорошо видно при знакомстве с эмпирической основой рецензируемой диссертации. Автор же, в принципе не была ориентирована на артикуляцию (в том числе гипотетически выраженную) противоречий индивидуальной психологии и характера личности Фортунатова в различных аспектах его биографической истории. Обратим внимание: с одной стороны, Фортунатов – поборник ценностей либерализма, европейской (английской) политической культуры; с другой стороны, он пропитан традиционалистским сознанием, его фигура порой приобретает оттенок маргинальной личности.

Даже в итоговых разделах диссертации соискатель не попыталась синтезировать особенности его индивидуальности. На помощь соискателю мог бы придти сравнительный метод (или метод аналогии), который позволил бы сопоставить те или

иные биографические ситуации (например, относительно заграничных командировок) других его современников.

Не может не вызвать напряженности как у автора, так и у читателя, восприятие культурно-бытовой стороны образа жизни Фортунатова. Напрашиваются даже аналогии с классическими персонажами русской литературы, позволяющими ставить вопрос об отнесении его персоны к типам, подобным, например, Манилову, Обломову.

Личностные качества С.Ф. Фортунатова – его несомненные таланты и способности – и черты его индивидуальной психики и самосознания, если бы они были более четко определены и сопоставлены между собой, могли бы содействовать процедурам двоякого свойства. Во-первых, способствовали бы созданию более целостного – несомненно, противоречивого и драматичного по своей сути – социокультурного облика Фортунатова. Во-вторых, послужили бы материалом для обогащения метода типологизации творческих личностей в истории национальной культуры, что давно интересовало и продолжает интересовать не только историков, но и философов, культурологов, психологов, социологов, ориентированных в своих работах на использование контекста исторического прошлого.

Подведу итоги

Сделанные замечания отнюдь не умаляют значимости рецензируемой диссертации для современной истории российской культуры и биографистики. Ее несомненным достоинством является первопроходческая миссия автора, которая завершилась созданием конкретно-исторической картины жизни и деятельности С.Ф. Фортунатова в плотном контексте его современности. На сегодняшний день данный труд является единственным крупным исследованием, представившим всю совокупность информации о личности ученого-педагога и общественно-политического деятеля. Автор профессионально освоила все пласты источниковой информации, владеет ясным видением культурного пространства, в котором протекала жизнь и деятельность ее героя и его современников, обладает логикой исторического исследования, основными историко-научными методами и исследовательской интуицией.

Автореферат полностью соответствует содержанию диссертации.

Результаты научных изысканий, представленные в 13 научных статьях (из которых 5 размещены в ведущих рецензируемых научных журналах, определенных ВАК при Минобрнауки России) отражают все аспекты темы диссертационной работы.

Безусловно, диссертация Н.Н. Агеевой «Научно-педагогическая деятельность и общественно-публицистическая деятельность С.Ф. Фортунатова в конце XIX- начале XX вв.» соответствует п. 9 «Положения о присуждении ученых степеней», утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 842. Диссертация отвечает квалификационным требованиям ВАК РФ, предъявляемым к соискателям ученой степени кандидата исторических наук. Полагаю, что Наталья Николаевна Агеева вполне заслуживает присуждения ученой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.02 – Отечественная история.

Автор отзыва: д.и.н., профессор Алеврас Наталия Николаевна, профессор кафедры история России и зарубежных стран федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Челябинский государственный университет», 454001, г. Челябинск, ул. Братьев Кашириных, 129, тел.: +7(351)7997015, e-mail: vhist@mail.ru.

Официальный оппонент

Алеврас Н.Н.

18.02.2016